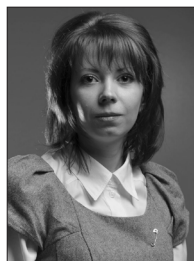

ИСТОРИЯ ЗАРУБЕЖНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПЕДАГОГИКИ

В. К. Пичугина

ВОСПИТАНИЕ НА ПИРУ: СИМПОСИЙ ОТ АРИСТОФАНА ДО МАКРОБИЯ¹

УДК 37.017.4
ББК 74.200.5

Сопоставлены древнегреческие и древнеримские представления о воспитательном потенциале пира, позволившие проследить его зарождение и развитие на значительном хронологическом отрезке с учетом сообщений авторов, принадлежащих к разным периодам истории античности.

Ключевые слова: античная педагогическая мысль; воспитательный потенциал пира; «забота о себе»; симпозиий.

V. K. Pichugina

TRAINING AT FEAST: SYMPOSIUM FROM ARISTOPHANES TO MACROBIUS

The ancient Greek and Roman ideas of the educational potential of a feast, which allowed to track its origin and development on a considerable chronological piece taking into account messages of the authors belonging to the different periods of history of antiquity, are compared.

Key words: antique pedagogical thought; educational potential of a feast; «care for the self»; symposium.

Древнегреческий пир как «заботливое» образовательное пространство. Обращение к античному наследию с целью поиска путей, способов и средств целенаправленной

социализации человека и институционального оформления этих поисков открывает широкие возможности для современного прочтения сохранившихся текстуальных источников. В корпу-

¹ Работа над статьей поддержана грантом РГНФ 14-06-00315а.

се древнегреческих и древнеримских текстов зафиксирована исключительная важность социального воспитания и обучения в местах, где объединялись люди разных возрастов. Религиозные и спортивные праздники, народные собрания, театры, пиры, встречи для обсуждения литературы, философии, политики рассматривались античными мыслителями как центры особой образовательной активности, подкрепленной межпоколенными педагогическими взаимодействиями. П. П. Хоуган подчеркивает, что для древнего грека было важно правильно подать себя на мероприятиях такого рода, сохранить и упрочить свой статус в глазах других (это была его «*μελέτη*» — «забота»)¹. Понятие «забота» было одним из ключевых для античной педагогики, центрированной на человеке, собственное «я» которого разворачивалось на благо себе и другим. «Беззаботного» образования (= образования вне широкого спектра забот, присущих гражданину и семьянину) не существовало. Жизнь древнего грека, а затем римлянина представляла собой цепочку «забот» (о доме, здоровье, семье, службе и

т. д.), среди которых важнейшей была забота о том, чтобы обрести, а не потерять себя в потоке чужого жизненного опыта.

Уважительное отношение к тем мероприятиям, где старший имел возможность наставлять жизни в полисе младшего, является отличительной чертой античной педагогики², которую можно назвать «заботливой». Среди них особое место занимают пиры, которые были близки, но нетождественны совместным обедам (сисситиям и др.), также распространенным в древнегреческом обществе и тоже имевшим важные педагогические функции. На пирах приучали к тому, что важнейшей заботой является забота о самом себе через образование. Ф. Лиссарраг определил симпосий как один из самых значимых социальных институтов, в рамках которого зарождались и производились культурные смыслы и формы³. Помимо широко известных диалогов Ксенофонта и Платона с названием «Пир», тему пиров затрагивали Аристотель, Эпикур, Плутарх, Лукиан, Афинея, Макробий, Юлиан и др. Истоки темы застольной беседы лежат в гомеровском эпосе. Герои

¹ *Hogan, P. P.* A Terrible Passion and a Marvelous Love: Greco-Roman Education and Elite Self-Presentation in the High Empire. Diss. subm. in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in The University of Michigan. 2005. P. 53.

² *Арзуманян, М. Ю.* Античные пиры и социальные сети как пространства устной и online коммуникации / М. Ю. Арзуманян, Д. Ю. Дорофеев // Вестник гум. фак-та СПбГУ Телекоммуникаций, 2010. — № 6. — С. 31–48; *Дорофеев, Д. Ю.* Древнегреческий пир как пространство личной коммуникации и философии (матер. сем. по «Пиру» Платона) / Д. Ю. Дорофеев // Платоновский сб. Т. II. М.—СПб.: РГГУ—РХГА, 2013. — С. 208–228.; *Murray, O.*, ed. *Symptica: A Symposium on the Symposium*. Oxford: Clarendon Press, 1990. 345 p.; *Slater, W. J.*, ed. *Dining in a Classical Context*. Ann Arbor: University of Michigan Pr., 1991. 264 p.; *Wecowsky, M.* *The Rise of the Greek Aristocratic Banquet*. Oxford: OUP, 2014. 432 p.

³ *Лиссарраг, Ф.* Вино в потоке образов. Эстетика древнегреческого пира / Ф. Лиссарраг ; пер. с франц. Е. Решетниковой. — М. : Новое литературное обозрение, 2008. — 176 с.

Гомера отрешаются от повседневных забот и «сладко пируют в домах» в «Одиссее» и радуются торжеству добра, когда «пируют и боги, и люди» в «Илиаде».

Древнегреческий термин «συμπόσιον» имел следующие значения: «пиршество», «пирующие», «пиршественный зал», «группа соотрапезников»¹. Д. А. Гиш указывает на следующую особенность этого термина: корень «*sympro*», от которого происходит слово «*symposion*», имеет значение не просто совместного питья; он связывает воедино красоту, вино и речи в кругу друзей, где разворачивается своего рода соревнование (агон)². Античные мыслители стремились использовать в педагогических целях напряжение, порождаемое стремлениями отличаться/противостоять другим и походить на других, которые возникали на пирах. Симпосий представлял собой образовательное пространство, организованное через ритуальную повседневность и существующую иерархию «старший — младший». Совместная трапеза давала юношам возможность привлечь к себе внимание более зрелых мужей, увидев в них покровителя, друга или пример для подражания, и обучиться «послушанию, заботе о старших и о себе»³. Совместная трапеза в масштабе пира, собирающего за одним столом значи-

тельное количество образованнейших и уважаемых горожан по какому-либо поводу, помимо прочего, давала юношам возможность вступить в своеобразное соревнование (агон) и привлечь к себе внимание наставников. Авторы, принадлежащие к разным периодам античной истории, в сочинениях на тему пиров особо выделяли среди гостей тех, кому в застольной беседе удавалось успешно позиционировать себя как наставника. Умение вовремя вступить в разговор, пошутить, задать вопрос или ответить на него, обратиться к присутствовавшим взрослым мужам за советом рассматривались как открывающие возможность прямо за пиршественным столом приобрести статус «ученика» одного из известных в городе наставников.

Описание общепринятых моделей мышления и поведения на пиру в разные периоды греческой и римской истории являлось необходимым для констатации правильности устройства всего того, что находится за его пределами: политики, экономики, образования, семьи. Для свободнорожденного мужчины пиры были местом, где можно было не только обсудить животрепещущие вопросы, но и прикинуть к тому или иному наставнику (осуществить заботу о себе), либо им стать (проявить заботу о другом). Для тех, кто не претендовал на статус на-

¹ Древнегреческо-русский словарь / сост. И. Х. Дворецкий. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. — Т. 2. — 1043 с.

² *Gish, D. A. Xenophon's Socratic Rhetoric: A Study of the Symposium. Diss. subm. to the Graduate Faculty of the University of Dallas in partial fulfillment of requirements for the degree of Doctor of Philosophy in Politics in the Institute of Philosophic Studies, 2003. P. 7.*

³ *Безрогов, В. Г. Сотрапезничество как воспитание: дети Крита на дисплее столетий / В. Г. Безрогов // Вестник ПСТГУ, сер. IV. — 2012. — № 1 (24). — С. 247.*

ставника или ученика, присутствие на пирах с обилием вина было проверкой «на прочность». Греческие мыслители подчеркивали, что испытание вином имеет педагогический подтекст, поскольку наставление, восприятие учителя учеником спасают от невоспитанности. В частности, Платон утверждал, что вино, во-первых, позволяет узнать характер человека не для праздного любопытства, а для того, чтобы его улучшить, а во-вторых — приучает к умеренности (основе добродетели) и пониманию того, что есть золотая середина даже на простом примере правильного смешивания вина и воды. Древним грекам не было свойственно возводить пиры в культ. Организуя мероприятия такого рода, руководитель пира (симпосиарх), прежде всего, старался закрепить за собой статус добродетельного человека и хорошего хозяина, который умеет отличать учений досуг на пиру от беззаботного обеда.

Пир глазами Аристофана.

Симпосий, проводившийся после трапезы и являвшийся ритуализированным пиром, позволял органично интегрировать мир молодых в мир взрослых и приобщать к одобряемым образцам мышления и поведения. На исключительную важность интеграции такого рода неоднократно указывает Аристофан, для которого пир всегда был нечто большее, чем «столы, скамьи, тазы, подушки, ков-

рики, венки, помада, девочки, печенье» (Aristoph. Ach. 1090)¹. В пьесе «Облака», задавшись вопросом о том, что не так в современном ему воспитании, Аристофан фокусирует внимание на культуре поведения за столом и указывает, что не так давно она являлась обязательным элементом воспитания молодых людей: «За обедом без спроса не смели они положить себе редьки кусочек, / Сельдерея до старших стянуть со стола не решались, ни лука головку. / В кулачок не смеялись, не крали сладостей, ноги за ногу накрест не клали...» (Aristoph. Cl. 961.)². В «Облака» Аристофан включает как непосредственные описания трапезы и пищи, так и кулинарно-педагогические метафоры. В частности, учение Сократа Аристофан образно сравнивает с продуктом питания, не перевариваемым для желудков. Переваривание сократической мудрости кажется ему подозрительным и опасным пиришеством для его учеников. В «Осах» Аристофан утверждает, что воспитание на пирах — это не только воспитание молодежи. Один из героев пьесы — нелюдимый старик, которого гости приучают говорить к месту, правильно укладываться на пиришественное ложе и приступать к еде, отдав должное дому, в котором устроен пир. Старика, не имеющего столь необходимой зрелому мужу культуры поведения за пиришественным столом, по меткому выражению

¹ Аристофан. Ахарняне // Аристофан. Птицы / Аристофан. Комедии. Фрагменты / пер. Адр. Пиотровского. — М. : Ладомир; Наука, 2008. — С. 63.

² Аристофан. Облака // Аристофан. Комедии. Фрагменты / пер. Адр. Пиотровского. — М. : Ладомир; Наука, 2008. — С. 199.

Афиней, учат «застольником в хорошей бытг компании» (Aristoph. Wasps. 1210)¹. В пьесе Аристофана «Птицы» два афинянина решают построить идеальный город, в котором «заботой самой важной» для гражданина была бы забота принять или отклонить приглашение соседа на свадебный пир. Примечательно содержание предельно краткой речи-приглашения соседа: «Прошу тебя, приди ко мне с детишками / С утра на свадебное угощение. / Не думай об отказе! Не придешь, так знай, / Не приходи ко мне в пору несчастную» (Aristoph. Av. 130)². Аристофан видит воспитательный потенциал пира в том, что главы семейств приходят на него с детьми, которые приучаются разделять с взрослыми горе и радость.

Пирь бесед Ксенофонта и Платона. Содержание диалогов Ксенофонта и Платона с названием «Пир» сводится к описанию застольных разговоров знатных и образованных афинян, среди которых находится Сократ. Цель написания Ксенофонтом своего диалога сформулирована так: оставить для потомков память о высоко- нравственных людях не только через их дела, но и через их забавы. Ксенофонт описывает пир, устроенный богачом Каллием, а Платон — пир в доме трагического поэта Агафона и обстоятельства, предшествующие этому событию. Оба автора столь изящно представляют разговор и его воспитательное воздействие на присутствующи-

щих, что читатель мгновенно забывает о том, что это разговор за едой. Пир в диалогах представлен как пространство особой заботы симпозиарха и его гостей — заботы о ведении застольных бесед таким образом, чтобы пирующие заняли почетное место в памяти полиса. Для Платона и Ксенофонта педагогически важен пир в доме, поскольку в нем не так легко отграничить частное от публичного: с одной стороны, дом позволяет гостям беззаботно пировать, укывшись от города, а с другой — требует проявлять постоянную заботу о том, что уместно, а что нет для причисляющих себя к афинской образовательной элите. Платон и Ксенофонт с большой точностью описывают, в чьем доме был организован пир, где присутствовал Сократ, кто из гостей нарушал правила поведения на пиру (пришел без приглашения, прерывал ученую беседу криком или икотой, кичился уровнем своего образования и т. д.). Ксенофонтский Сократ оспаривает тезис о преимуществах беззаботной жизни, доказывая гостям значимость именно жизни в заботах, которые воспитывают выносливость, терпение, умеренность и позволяют самосовершенствоваться через образование.

Плутарх в «Застольных беседах» дает высокую оценку содержания указанных «Пиров»: «...если бы Ксенофонт и Платон дорожили материальной стороной застолья, то им надо было бы оставить запись не о

¹ Афиней. Пир мудрецов: в 15 книгах / пер. Н. Т. Голинкевич. — М. : Наука, 2004. Кн. I–VIII. — 658 с.

² Аристофан. Птицы // Аристофан. Комедии. Фрагменты / пер. Адр. Пиотровского. — М. : Ладомир; Наука, 2008. — С. 376–472.

застольной беседе, а о подававшихся в доме у Каллия и Агафона жарких, печеных и лакомствах...» (Plut. Quaes. Conv. 686d)¹. По Плутарху, это показательный пример того, что пир должен центрироваться не вокруг стола, а вокруг разумной беседы («философической игры») за столом воспитанных людей, радующих друг друга своим обществом. В равной мере смешно и странно, отмечает Плутарх, как пытаться унести с собой что-то из угощения, так и не пытаться унести с собой знание, полученное от новых друзей, «запомнив, о чем велась речь».

Пир педагогики у Плутарха.

Плутарх, как и ученики Сократа, особым образом осмысливает феномен симпозиа. Для него пир не беззаботная частная вечеринка, а особым образом организованное образовательное пространство, требующее от образованных людей заботы о себе и других. Интересно следующее «социально-педагогическое» замечание Плутарха: «Если даже в пиршестве участвует и несколько людей неученых, то и они среди большинства образованных, подобно согласным буквам в окружении гласных, приобщатся к некоему не совсем нечленораздельному звучанию и пониманию» (Plut. Quaes. Conv. 613e)². Для Плутарха распределение «забот» внутри пира есть некая модель распределения «забот» в широком жизненном пространстве. Он подчеркивает, что такие заботы как забота о распределении блюд, забота об эстетическом оформлении пира, за-

бота о расположении гостей согласно чину и почету старшего к младшему, являются заботами симпосиарха и не могут быть ни на кого переложены. А забота о том, чтобы отринуть от всех повседневных забот и огорчений, является исключительно заботой гостей. Участники пира, беседа на разные темы, дают понять присутствующим молодым людям, что всегда есть то, что максимально значимо для человека здесь и сейчас; то, что должно провозглашаться как требующее заботы. Умение четко очертить для себя круг забот, чтобы найти самого себя, провозглашается Плутархом как одно из важнейших умений.

Относительно тем, обсуждаемых на пиру, у Плутарха особое мнение: симпосий должен оставаться симпосием, не превращаясь для гостя от избытка политических тем в «народное собрание», от избытка философских тем в «школу софистов», от избытка развлечений в «игорный дом» или «театральную сцену», а от избытка съестного в мероприятие, которое «коснулось только его желудка, а не души» (Plut. Quaes. Conv. 621c; 680b)³. Тем самым Плутарх указывает на возможные трудности для тех, кто осуществляет на пиру образовательную заботу о себе и подрастающем поколении как действие-изменение, идущее вразрез с чем-то на уровне личного (склонностью к обжорству, безграничному веселью, философствованию или питью), но не с общими правилами поведения на пиру. Эта идея является

¹ Плутарх. Застольные беседы / Плутарх. – Л. : Наука, 1990. – С. 98.

² Там же. С. 6.

³ Там же. С. 16, 64.

центральной для диалога «Пир семи мудрецов», где Плутарх повествует о пире семи греческих мыслителей, которые, согласно преданию, подарили миру утверждение «познай самого себя», высеченное перед входом в храм Аполлона в Дельфах¹. Обсуждаемые ими за столом вопросы должны позволить воспринять то, что, по мнению Плутарха, является грамотно организованным симпозием, где все участники смогут на время отрешиться от повседневных забот в пользу заботы о самом себе, понятой как ученый досуг.

Плутарх в «Застольных беседах» обращает внимание на то, что греки четко понимали: на пиру истончается грань между разумностью и неразумностью, поэтому особенно важно сообщить этому мероприятию упорядоченность через правила, которым будут подчиняться пирующие (например, определить музыкальные темы, приглашенных, предметы беседы и т. д.)². По Плутарху, странно было бы ограничиться заботами о том, что подать к столу, поместив за ним гостей в случайном порядке. Поддержать «доброе согласие и благочиние» в застолье, разместить гостей в порядке ранга и уважения есть одна из самых важных задач симпосиарха (Plut. Quaes. Conv. 616b)³. Наглядная иерархия достоинств обеспечивала со-

циальное воспитание различных возрастных классов.

Римский взгляд на древнегреческий пир. Многочисленные источники указывают на то, что традиция разговоров за едой, но не ради еды, была воспринята римлянами с некоторыми поправками. Педагогический аспект симпосия, который был одним из главных для древнегреческих авторов, постепенно стал вытесняться на периферию гастрономическим. Для римских симпосиархов постепенно все важнее становилось не организовать в своем доме особое образовательное пространство пира, а продемонстрировать через пиры богатство своего дома и собственную значимость в городе. Римский историк Тит Ливий (59 до н. э. — 17 н. э.), описывая изменение представлений о пире в 80-х гг. II в. до н.э., указывает на опасную тенденцию приобщения города к «чужеземной роскоши». По его мнению, привезенные в Рим «отделанные бронзой пиршественные ложа, дорогие накидки и покрывала, ковры и салфетки, столовое серебро чеканной работы, столики из драгоценных пород дерева» и возведение поварского труда «из обычной услуги» в «настоящее искусство», грозили началом «будущей порчи нравов»⁴. Не случайно, римское законодательство

¹ На связь концептов «познай самого себя» и «заботься о себе» в ряде работ указывал М. Фуко. Сочинение Плутарха «О надписи “Познай себя”, или Бессмертна ли душа» утрачено. Мы можем предположить, что в нем более четко расставлены акценты, обозначенные в «Пире семи мудрецов», однако, не можем утверждать сопоставлял ли сам Плутарх эти концепты.

² Плутарх. Застольные беседы / Плутарх. — Л. : Наука, 1990. — С. 7.

³ Там же. С. 9–10.

⁴ Цит. по: Квашнин, В. А. Законы о роскоши в Древнем Риме эпохи Пунических войн / В. А. Квашнин. — Вологда : Русь, 2006. — С. 94.

через принятие многочисленных законов о роскоши стремилось, прежде всего, ограничить расходы на пиры. De jure один закон сменял другой, усиливая ответственность за их нарушение. De facto установление предельно допустимых сумм на организацию пиров, ограничение числа приглашенных на них, возможность привлечения к ответственности как организаторов пира, так и гостей, и прочие ужесточения не только препятствовали, но и отчасти способствовали «порче нравов», когда римская простота превращалась в гастрономическое вдохновение. В «Сатириконе», написанном римским аристократом Петронием в середине I в. н.э., описывается пир вольноотпущенника Трималхиона, на котором гостям подавались шестьдесят два блюда. Один из героев романа ругает самого себя за то, что не сумел самостоятельно разгадать смысла одного из необычно поданных блюд: «Я проклял свою глупость и решил больше не расспрашивать, чтобы не казалось, будто я никогда с порядочными людьми не обедал» (Petr. Sat. 41)¹. У Петрония описан пир ради пира, организация которого являлась вызовом существующим нормам и правилам.

Древнегреческий ритор и писатель-сатирик Лукиан (ок.120–180 гг.) во многих своих произведениях высмеивал переходы за пределы разумного во всех сферах римской жизни.

В сочинении «Пир, или Лапифы» Лукиан повествует о пире, который начался со споров представителей разных философских школ о местах за столом, а закончился дракой из-за курицы. Пародируя идущий от Платона и Ксенофонта жанр «пира», Лукиан указывает, что в его время не молодежь, а именно старики нарушают все правила поведения за пирашественным столом: бранятся, объедаются, лезут в драку. Обычные гости, «не творя безобразий», дивились над «мудрецами», которых всегда считали «чем-то особенным» (Luc. Symp. 35)². Гротеск у Лукиана играет роль изящной сатиры над современными ему отношениями «учитель-ученик». Рисуя наставников в виде шутов на пирах у состоятельных римлян, Лукиан ставит под вопрос их способность быть примером для учеников и обращает внимание на кризис застольного воспитания. Один из главных героев «Пира...» приходит к грустному выводу о том, что «небезопасно человеку, не бывавшему в подобных переделках, обедать вместе с такими учеными людьми!» (Luc. Symp. 48)³. Вслед за Лукианом, сетует об утрате культуры застольного воспитания древнегреческий грамматик и софист III в. Афиней. В сочинении «Пир мудрецов» он перечисляет представителей знати, которые обходят законы и устраивают грандиозные пирашества. Он повествует о том, как богатый римлянин Ларенсий собрал

¹ *Петроний*. Сатирикон / пер. Б. И. Ярхо // Петроний. Сатирикон. Лукиан. Лукий, или Осел. – Л. : Смарт, 1991. – С. 30.

² *Лукиан Самосатский*. Сочинения: в 2 т. / под общ. ред. А. И. Зайцева / Лукиан Самосатский. – СПб. : Алетейя, 2001. Т. 1. – С. 191.

³ Там же. С. 195.

в своем доме образованных людей, которые обсуждают в том числе и то, как соотносятся в людях «потребность в пище и питье и получаемое от них удовольствие» с потребностью в добродетели (Athen. Deipnosoph. I. 15.)¹. Пирующие, среди которых софисты, грамматики, риторы, философы и даже сам Плутарх, определены как персоны, принесшие с собой «ученость» как некий особый взнос в «складчинный обед». Именно этими интеллектуальными взносами Афиней оправдывает роскошность столов, за которыми восседают гости. В гастрономическую иронию сочинения («С луковиц труд я начну, тунцом завершу сочиненье...») автору удается вплести серьезность норм и правил поведения на пиру, которые приведены еще у Гомера и позволяют воспитать людей в гармонии души и тела².

Опираясь на Плутарха, позднеантичный автор Макробий в «Сатурналиях» описывает пир в рамках ежегодных декабрьских празднеств в честь одного из древнейших римских богов — Сатурна. В самом начале «Сатурналий» Макробий называет важнейшей заботу родителей об обучении и воспитании своих детей и, обращаясь к сыну, утверждает, что в его ревностной заботе об образовании не следует пренебрегать родительским наставлением. Тем са-

мым неоплатоник Макробий пытается возродить древнегреческую традицию, которую еще Еврипид зафиксировал в «Медее», подчеркнув, что домб («ὀικοῦς») с детьми безусловно счастливы, но обременены тяжелой заботой («μελέτη»), связанной с неопределенностью того, растят ли отцы «достойных людей иль негодных» (Eur. Med. 1081)³. Самым страшным горем, по Еврипиду, является горе родителей от результатов неправильной стратегии воспитания ребенка.

Обозначив свой труд как серьезное подспорье для претендующего на статус образованного человека, Макробий переходит к описанию пира, «который вобрал и скромность героического века, и приличие нашего»⁴. Уделяя особое внимание анализу римских законов разных лет, запрещающих пышные пиры, автор приходит к выводу, что современность характеризуется большей умеренностью и тонким пониманием сути застольного воспитания. Пир для римлянина Макробия является местом, где воспитанный человек может с пользой отдохнуть в «обстановке ученого и непринужденного разговора и учтивых вопросов и ответов»⁵. В противном случае, пир понимался односторонне и возникала опасность стать Марком Аппицием, который вошел в историю как человек, истративший на пиры це-

¹ Афиней. Пир мудрецов: в 15 книгах / Афиней; / пер. Н. Т. Голинкевич. — М.: Наука, 2004. Кн. I–VIII. — С. 14.

² Там же. С. 10, 16.

³ Еврипид. Медее // Еврипид. Трагедии / пер. с древнегреч. И. Анненского; вст. ст. и комм. В. Ярхо. — М.: Художественная литература, 1969. Т. 1. — С. 154.

⁴ Макробий. Сатурналии / Макробий; пер. с лат. и греч., прим. и словарь В. Т. Звиревича. — Екатеринбург: Изд-во Урал. госуд. ун-та, 2009. — С. 97.

⁵ Там же. С. 20.

лое состояние, гурман и чревоугодник. Его имя стало нарицательным после выхода приписанной ему книги *De re coquinaria* «О поваренном искусстве», где некто из рода Апициев заостряет лишь два вопроса: как готовить (приводит подробные рецепты) и как есть (делит блюда на повседневные и праздничные)¹. Этот Апиций убеждает читателя в том, что мир жиждётся всего на двух заботах: заботах повара и заботах едока. Третья забота — забота о добродетели — выпала из поля зрения Апиция, который стал не только символом невоздержанности, но подчас олицетворением тоски по былой роскоши империи. По преданию, Апиций отравил себя, когда понял, что его состояние уменьшилось

настолько, что он уже не может позаботиться о роскошном столе².

Нет пиров — нет воспитания?

В сочинениях античных авторов, стремившихся показать эстетику пира, сосредоточены важнейшие характеристики социального института застольного воспитания. Феномен симпозиа возник в условиях повышенного педагогического внимания к тому, каким образом старшие заботятся о том, чтобы на смену пришла достойная молодежь, которая со временем также сможет позаботиться о тех, кто сидит рядом за обеденным столом. Захват Римом Афин и последующий конец Империи озаменован и кризисом западноевропейской педагогики пира.

Список литературы

1. Апиций. О поваренном искусстве // Закуска для короля, румяна для королевы. Энциклопедия средневековой кухни и косметики. — СПб. : Азбука-Классика, 2008. — 272 с.

2. Арзуманян, М. Ю. Античные пиры и социальные сети как пространства устной и online коммуникации / М. Ю. Арзуманян, Д. Ю. Дорофеев // Вестник гум. фак-та СПбГУ Телекоммуникаций — 2010. — № 6. — С. 31–48.

3. Аристофан. Ахарняне // Аристофан. Птицы / Аристофан. Комедии. Фрагменты / пер. Адр. Пиотровского. — М. : Ладомир; Наука, 2008. — 1040 с.

4. Аристофан. Облака // Аристофан. Комедии. Фрагменты / пер.

Адр. Пиотровского. — М. : Ладомир; Наука, 2008. — 1040 с.

5. Аристофан. Птицы // Аристофан. Комедии. Фрагменты / пер. Адр. Пиотровского. — М. : Ладомир; Наука, 2008. — 1040 с.

6. Афиней. Пир мудрецов: в 15 книгах / пер. Н. Т. Голинкевич. — М. : Наука, 2004. Кн. I–VIII. — 658 с.

7. Безрогов, В. Г. Сотрапезничество как воспитание: дети Крита на дисплее столетий / В. Г. Безрогов // Вестник ПСТГУ, сер. IV. — 2012. — № 1 (24). — С. 26–39.

8. Дорофеев, Д. Ю. Древнегреческий пир как пространство личной коммуникации и философии (матер. сем. по «Пиру» Платона) // Платоновский сб. Т. II.

¹ Апиций. О поваренном искусстве / Апиций // Закуска для короля, румяна для королевы. Энциклопедия средневековой кухни и косметики. — СПб. : Азбука-Классика. 2008. — С. 11–67.

² Grocock, C., Grainger, S. Apicius. A Critical Edition with an Introduction and an English Translation. Totnes: Prospect Books, 2006. PP. 309–325.

— М.—СПб.: РГГУ—РХГА, 2013. — С. 208—228.

9. Древнегреческо-русский словарь / сост. И. Х. Дворецкий. — М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. — Т. 2. — 1043 с.

10. Еврипид. Медея // Еврипид. Трагедии / пер. с древнегреч. И. Анненского; вст. ст. и комм. В. Ярхо. — М.: Изд-во «Художественная литература», 1969. — Т. 1. — 637 с.

11. Квашнин, В. А. Законы о роскоши в Древнем Риме эпохи Пунических войн / В. А. Квашнин. — Вологда: Русь, 2006. — 162 с.

12. Лиссарраг, Ф. Вино в потоке образов. Эстетика древнегреческого пира / Ф. Лиссарраг. — М.: Новое литературное обозрение, 2008. — 176 с.

13. Лукиан Самосатский. Сочинения: в 2 т. / под общ. ред. А. И. Зайцева. — СПб.: Алетейя, 2001. — Т. 1. — 480 с.

14. Макробий. Сатурналии / пер. с лат. и греч., прим. и словарь В. Т. Звиревича. — Екатеринбург: Изд-во Урал. госуд. ун-та, 2009. — 372 с.

15. Петроний. Сатирикон / пер. Б. И. Ярхо // Петроний. Сатирикон. Лукиан. Лукий, или Осел. — Л.: Сمارт, 1991. — 167 с.

16. Плутарх. Застольные беседы / Плутарх. — Л.: Наука, 1990. — 592 с.

17. Gish, D. A. Xenophon's Socratic Rhetoric: A Study of the Symposium. Diss. subm. to the Graduate Faculty of the University of Dallas in partial fulfillment of requirements for the degree of Doctor of Philosophy in Politics in the Institute of Philosophic Studies, 2003. 488 p.

18. Grocock, C., Grainger, S. Apicius. A Critical Edition with an Introduction and an English Translation. Totnes: Prospect Books, 2006. Pp. 309—325.

19. Hogan, P.P. A Terrible Passion and a Marvelous Love: Greco-Roman Education and Elite Self-Presentation in the High Empire. Diss. subm. in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in The University of Michigan. 2005. 250 p.

20. Murray, O., ed. Sympotica: A Symposium on the Symposium. Oxford: Clarendon Press, 1990. 345 p.

21. Slater W.J., ed. Dining in a Classical Context. Ann Arbor: University of Michigan Pr., 1991. 264 p.

22. Wecowsky M. The Rise of the Greek Aristocratic Banquet. Oxford: OUP, 2014. 432 p.